

УДК 101

С.М. Каштанова

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

sonitta@mail.ru

ЭРОТИКА КАК ФОРМА ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ТРАНСГРЕССИИ

[Kashtanova S.M. Eroticism as a form of personal transgression]

The article is devoted to examination of eroticism in the discourse of transgression. Transgressive meanings of eroticism, which are not associated with reproductive activity and therefor may become a reason for distinguishing purely human erotic activity and similar activity of animals, are identified. Erotic transgression is understood as one of the key factors of anthroposociogenesis, as well as an acceptable form of expressing human's transgressive nature. Erotic experience is analyzed as correlated to concepts of society, law, death. It is assumed that human's inclination to transgression and clearly transgressive origins of erotic behavior are at the same time the cause and the subject of social norms. Eroticism is thematised as a necessary transgression that allows a person to exist in the society according to its laws by periodic violation of social norms, thereby maintaining social balance.

Key words: transgression, eroticism, law, death, society, sociogenesis, ambivalence of human nature.

Человек в обществе всегда вынужден соотносить свое бытие с определенным набором законов и запретов, которые существуют для того, чтобы поддерживать социальный порядок, не давая ему скатиться в хаос природного мира. Мир природы – это мир зверя, чья жизнь обусловлена инстинктами. Человек, являясь потомком зверя, наследует эти инстинкты, которые, будучи иррациональными и разрушительно-яростными, внушают человеку чувство опасности. Желая взять под контроль звериную составляющую своей сущности, человек создает первые законодательные кодексы, призванные сдерживать животные инстинкты, и начинает вести уже собственно человеческий образ жизни.

Согласно З. Фрейду, становление социума происходит следующим образом. Изначально первые пралюди сосуществовали в рамках циклопической семьи – стаи, состоящей из самца-вожака и самок с детенышами. Самки находились в безраздельном пользовании у вожака. Повзрослевших самцов изгоняли из семьи. Они жили поодаль, пока один из них не сменял одряхлевшего главу семьи. Дальнейшее течение событий Фрейд описывает следующим образом: «В один прекрасный день изгнанные братья соединились, уби-

ли и съели отца и положили, таким образом, конец отцовской орде. Они осмелились сообща совершить то, что было бы невозможно в отдельности» [5, с. 225]. Эта древняя каннибальская трапеза, как полагает Фрейд, сохранилась впоследствии в виде ритуальной тотемической трапезы – жертвоприношения: первобытный клан убивал и торжественно поедал свое тотемическое животное, своего бога. Тотемическое животное замещало отца, некогда убитого и съеденного восставшими сыновьями. Праотец, несомненно, был предметом зависти и страха для каждого из братьев, а в акте поедания они осуществляли отождествление с ним. Но, хотя братья и ненавидели отца, препятствовавшего удовлетворению их стремления к власти и сексуальных влечений, они также любили его, восхищались им. Поэтому после совершения отцеубийства сыновьями овладело чувство раскаяния, страха, стыда, вины за содеянное. Сыновья наложили запрет на повторение подобного действия, а для устранения самого повода к раздорам запретили брачно-половые отношения с женщинами своего клана (кровнородственное объединение). Следствиями этого события, по Фрейду, являются такие феномены как культура, цивилизация, законность, мораль. И именно это событие ознаменовало собой преодоление человеком своей звериной стадии развития.

Таким образом, человек начинает противопоставлять себя природе, дистанцироваться от нее, и именно этому служит закон. Фактически, отсутствие определенных запретов и правил может означать только «ту животность, из которой люди осознанно вышли, и на возвращение к которой они не вправе притязать» [1, с. 15]. Социум, который люди сообща начинают строить, в корне отличается от природного хаоса: его основу составляют подчинение закону, трудовая деятельность и стремление к пользе. Соответственно, под действие запрета подпадают те аспекты жизни, которые мешают полезной производительной деятельности и возвращают человека в мир звериной ярости. Таковыми аспектами являются половая любовь и смерть. Недаром же именно они становятся первыми объектами законодательных кодексов, будь то запрещения табу или библейские заповеди («Не убий», «Плотское соитие твори лишь во браке»). Собственно запрет, связанный со смертью, выступает чуть ли не самым первым из плеяды запретов, которые последуют за ним в деле очеловечивания архаических людей. Это происходит постольку, поскольку человек, уже познав на примитивном уровне категории

времени, связанные с трудом, испытывает ужас перед разлагающимся трупом человека, ибо человеческий труп «свидетельствует о насилии, которое не только уничтожает одного человека, но уничтожит и всех людей» [3, с. 518].

Таким образом, запрет, возникающий из этого ужаса, знаменует собой отстранение и даже отвержение мира ярости, в котором возможна смерть. По сути своей, смерть всегда принадлежит миру ярости, поскольку она выходит за пределы какой-либо рациональности. Следует признать, что мы ничего не можем сказать о смерти, кроме описания некоторых биологических ее аспектов. Смерть принципиально иррациональна, мы знаем о ней ровно столько, сколько о ней говорит труп другого человека, поскольку, когда дело дойдет до нашей собственной смерти, этот опыт уже никак не сможет быть нам полезен. Порядок смерти идет вразрез с порядком труда, обесценивая любые усилия: что бы мы ни делали, нас всех ждет один конец. Смерть нависает над каждым членом общества, и когда она касается кого-то, когда некто умирает, он должен быть изолирован от общества. Именно в этом заключается смысл похорон. Разложение трупа нарушает упорядоченность мира труда, в котором все всегда на своем месте. В разлагающемся трупе заключена агрессивная сила, яростная игра смерти с жизнью, которая зарождается в гниении. Чтобы не видеть этого, чтобы не заразиться смертью, тела мертвых закапывают. Архаические люди всегда видели в смерти результат некоторого насилия, смерть всегда являлась результатом убийства, по этой причине возникает запрет убийства. Люди ограничивают эти порывы в себе, поскольку и так имеются силы, готовые уничтожить человека. Возможно, именно такие рассуждения привели Фрейда к мысли о невротическом характере предписаний запрета. Так, мы с чрезмерной заботой оберегаем то, к чему у нас, кроме всего прочего, имеется «противоположное, но бессознательное течение враждебности, т.е. имеет место типичный случай амбивалентной направленности чувств» [5, с. 87]. В данном случае в эту концепцию вписываются скрытые яростные желания убивать, но также и страх по отношению к мертвому телу, в результате чего человек стремится ограничить влияние смерти, запрещая убийство. Более того, поскольку примитивные люди не различали естественную смерть и смерть насильственную, полагая любые проявления смерти как результат насилия, они, по мысли Фрейда, могли видеть причину смерти в том, что они желали смерти кому-то, и она не заставила себя ждать. Так,

запрет убийства переносится в новую плоскость, в которой сами мысли приобретают разрушительную силу, и поэтому любые побуждения к убийству другого должны быть пресечены. В этом смысле запреты зиждутся даже не столько на скрытых яростных желаниях, сколько на чувстве вины.

Что же касается сексуальных запрещений, то Ж. Батай предлагает следующую трактовку, связанную с запретами убийства и смерти. С одной стороны, смерть и размножение кардинальным образом противоположны друг другу, однако с другой стороны, жизнь часто воспринимается в связи со смертью. Смерть одного человека соотносится с рождением другого, предвещает его. И наоборот, новая жизнь вытягивает соки из своего источника, приближая жизнь своих родителей к смерти. Более того, кипение жизни возникает на почве гниения, которое всегда сопутствует смерти, освобождая место для новой жизни. Но сам процесс гниения, запущенный смертью, вызывает в нас ни с чем не сравнимое отвращение. Кроме того, процесс репродуктивного воспроизводства ключевым образом связан с растратой жизни. Растрата жизни же есть проявление смерти, более того – она нецелесообразна, так как мир труда ориентирован на накопление, и в этом смысле любая трата, не имеющая своей целью несомненную пользу, приравнивается к эксцессу. При этом растрата понимается не просто как получение новой жизни через затрату энергетических ресурсов. В этом случае имеет место обмен. Растрата ресурсов подразумевает их пустое растрачивание, в результате которого ничего не получается взамен. Именно в этом аспекте следует рассматривать половой акт, направленный на получение удовольствия. Сексуальная активность представляет собой ярость, которая имеет своей целью чистое удовольствие, никак не связанное с целесообразной пользой, а любая ярость противостоит труду, по этой причине она может мешать трудовой деятельности человека. По этой причине сексуальность подвергается запрету, который призван не вывести ее из жизни социума (что в принципе невозможно), но рационально ограничить ее.

Здесь важно отметить, что человеческая сексуальность коренным образом отличается от сексуальной активности животного, которая подчинена инстинктивным импульсам. Сексуальность человека имеет своим источником животную ярость, однако нужно иметь в виду, что ярость в человеке никогда не бывает чистой, поскольку это всегда ярость разумного человека, который осознает свои импульсы. Сексуальная активность человека всегда

имеет своим предметом в первую очередь удовольствие, а потом уже рождение потомства. Фрейд считал, что сильнейшее переживание удовольствия половой любви дает человеку прообраз всякого счастья, и если никак не ограничивать это стремление к удовольствию, то человек будет только тем и заниматься, что искать всевозможные способы удовлетворять свою потребность в счастье. Таким образом, сексуальность становится объектом запрета, влияние которого ощутимо и в наши дни.

Однако закон оказывается не единственным фактором, определяющим жизнь человека. Закон охраняет социум, но это не значит, что под воздействием закона человек в процессе своего развития полностью избавляется от животных влечений. Человек в действительности не всегда способен держать в узде эти звериные аспекты своей внутренней жизни, и периодически они прорываются наружу в виде незначительных или же, наоборот, существенных нарушений социального законодательства. И это – та причина, по которой оказывается возможным преступление закона. Зверь внутри человека требует регулярной трансгрессии, благодаря которой человек сохраняет свою человечность: если звериные влечения периодически удовлетворяются приемлемым образом, человек может оставаться самим собой без угрозы для общества. В случае же, если человек вынужден постоянно подавлять свою животность, в какой-то момент она оказывается способной вырваться из – под контроля и произвести непоправимые разрушения. Трансгрессия поэтому выступает как необходимое для поддержания общественной жизни нарушение закона, которое при этом не упраздняет закон. Наоборот, именно в опыте преодоления запрета происходит усиление этого запрета, поскольку в тот момент, когда мы, отрываясь от запрета, испытываем тревогу, мы осознаем, что преодолеваем сами себя.

Под трансгрессией следует понимать выход за предел, нарушение запрета. Трансгрессия, как «клапан для выпуска пара», необходима, поскольку позволяет человеку ненадолго прикоснуться к своей животной сущности, выпустить ту глубинную ярость, которая присуща каждому индивиду. Именно благодаря опыту трансгрессии человек оказывается в состоянии долгое время жить под гнетом социального долженствования. В зависимости от своих проявлений, феномен трансгрессии условно разделяется на организованную трансгрессию и трансгрессию индивидуальную. Организованная трансгрессия является общественно-санкционированным нарушением зако-

нов. К таким трансгрессиям относятся ритуальный праздник, жертвоприношение и война. Они производятся по определенным правилам, а общественный характер нарушения позволяет избежать наказания и чувства вины, чего нельзя в полной мере сказать об индивидуальной трансгрессии, которая проявляется в жизни каждого отдельного человека.

Индивидуальная трансгрессия по сути своей основана на вытесненных желаниях человека, которые по той или иной причине кажутся неуместными или постыдными, которые напоминают нам о нашей животной природе. Человек меньше всего хочет быть похожим на зверя. Поэтому не только для архаических людей, но и для людей современных зверь остается той точкой отсчета, по которой определяется – подтверждается или отрицается – их человечность. Так, можно говорить о феномене «большой или меньшей человечности». Есть несколько элементарных аспектов жизнедеятельности, которые человек унаследовал от животного и в осуществлении которых он, тем не менее, от животного отличается (в приеме пищи, в испражнениях, в сексуальной активности), и, исходя из этого, человек стоит выше зверя, но только в большей или в меньшей степени. Человечность распределена между людьми не поровну, но в зависимости от того, насколько более или менее человеческим является тот способ, которым человек удовлетворяет свои животные потребности. Но с другой стороны, когда дело касается желаний, человек в некоторой степени завидует животному и той непосредственности, с которой оно удовлетворяет свои влечения. Трансгрессия начинается там, где человек позволяет себе удовлетворять свои желания таким образом, каким ему этого хочется, а не так как предписано общепризнанной моралью. Поэтому той сферой человеческой деятельности, в которой наиболее ярко проявляется его трансгрессивная природа, является эротика – в том смысле, в каком в ней переплетаются звериная и человеческая натуры индивида. Эротика становится тем актом трансгрессии, в котором человек ставит себя под вопрос: «она обращает нас к тому миру, что распускает себя в опыте предела, делает себя и разделяется с собой в акте эксцесса, излишества, злоупотребления, преодолевающих этот предел, преступающих через него, нарушающих его – акте трансгрессии» [6, с. 116]. И именно в этом человеческая эротика отличается от животной сексуальности, в которой она, тем не менее, черпает свою силу. Трансгрессивная сущность эротической деятельности проявляется в буйстве плоти, которое идет дальше осо-

знанной воли, которое подчиняется неконтролируемой разумом ярости. В этом заключается смысл того, что в христианской культуре тело оказывается под запретом, оно должно быть сокрыто от глаз, поскольку любой участок открытого тела потенциально указывает на заходящуюся в эротических конвульсиях плоть. «Плоть в нас – это эксцесс, противящийся закону благоприличия» [3, с. 555], поэтому она под запретом. Сексуальная деятельность человека покрыта пеленой стыда, поскольку любое плотское соитие оказывается нарушением этого запрета. Однако нарушение этого запрета не тождественно возврату к природе, так как насколько яростной ни была бы эротическая игра детородных органов, она никогда не перестанет от этого быть эротической деятельностью человека. Она, также как и труд, ориентирована на цель. Сексуальная активность животных обусловлена инстинктом, она направлена на размножение, на увеличение жизни. Человек же в ходе своего развития и удаления от звероподобия отказывается от чисто инстинктивного удовлетворения своих влечений, он ориентирован на смысл. Поэтому «для людей, первыми осознавших его, целью сексуальной деятельности не могло быть рождение потомства, ее целью было немедленное удовольствие» [2, с. 282]. Так, сексуальная активность человека подчиняется в первую очередь сознательной воле, и в последнюю – слепым влечениям инстинкта.

Эротика отличается от животной сексуальной импульсивности тем, что представляет собой рассудочный поиск сладострастия, и в этом она сближается с трудовыми практиками, поскольку оказывается сознательным преследованием цели. Однако если труд нацелен на эффективность, пользу, производство, а значит – умножение богатств, то эротическая деятельность не имеет никаких притязаний на какого угодно рода прибыль. Потомство может считаться прибылью, продуктом производства, но для архаических людей беременность часто оказывалась результатом не совокупления, а, например, проникновением в тело женщины духа. Таким образом, сексуальная деятельность в большей степени представляет собой растрату энергетических ресурсов, потерю в том смысле, в каком человек в моменты экстаза теряет разум. В этом эротика сближается со смертью: обе они обедняют.

Более того, опыт эротики позволяет человеку пережить и опыт смерти. В момент эротического экстаза человек оказывается на границе своего бытия. В этот момент человек ускользает от себя самого, теряет себя в соединении с

другим человеком, и вместе со сладострастием испытывает смертельную тревогу, ужас, сопоставимый с ужасом перед смертью. В момент эротического переживания «рушится равновесие, на котором была основана жизнь. Человеком внезапно овладевает бешенство» [3, с. 566]. На волю вырывается вся та ярость, которая так или иначе сдерживается в процессе человеческого коллективного проживания, и она подрывает собою естественное течение жизни. Человеческая личность в буйстве сексуальной ярости на время умирает, и на ее место на краткий миг встает зверь. По этой причине христианская мораль видит в плотском наслаждении нравственное разложение, которое может привести к гибели. И действительно, в миг наивысшего удовольствия человек оказывается на краю, за которым уже ничего нет. Эта встреча с Ничто демонстрирует человеку то, что ждет его в момент смерти. Но человек только заглядывает в эту пустоту, не погружаясь в нее полностью. «С моментом наслаждения обязательно связан некий неполный разрыв, предвещающий смерть» [3, с. 567], и зачастую именно это чувство разрыва способствует наиболее полному удовольствию, так как выражает собой ощущение трансгрессии. Это чувство трансгрессии опасно для стабильности жизни, но без него невозможно пережить вольность эротического неистовства.

Эта переживаемая человеком в момент сексуального экстаза неистовая звериная ярость становится предметом запрета, поскольку человек, который отдается этому неистовству, уже больше не человек, так как все человеческое в нем замещается яростно-звериным. Однако запрет, ограничивающий эротическую вольность, не имеет четкой формулировки, он проявляется в условностях, закладывается в сознание человека посредством воспитания, деликатных предупреждений и недосказанностей. Он меняется от эпохи к эпохе, в зависимости от лиц и обстоятельств, неизменным же остается склонность этого запрета ярче всего проявляться при трансгрессии. Он предстает перед человеком в результате открытия запретной сферы, вся запретность которой проявляется в ее таинственности, сокрытости от публичных взоров. В эротике посвящают, и таким образом каждый становится участником тайного общества, поскольку говорить об эротике представляется неуместным и мало возможным, так как слов языка оказывается недостаточно, чтобы описать этот опыт, не обращаясь к словам, имеющим непристойный, эксцессивный смысл, что только усугубляет интерес к запретной сфере. Таким образом, эротика оказы-

вается не просто пределом сознательного или законного – она подводит нас «к пределу нашего языка: она очерчивает ту смутную линию на прибрежном песке безмолвия, за которой покоится невыразимая тишина» [6, с. 113]. Испытываемое удовольствие оказывается под запретом, оно осуждается, более того – сам характер удовольствия обуславливается его запретностью. Именно «запрет придает тому, что под него попадает, определенный смысл, которого само по себе запрещенное действие не имело. Запрет принуждает к нарушению запрета, к его преодолению, к трансгрессии, без чего запретное действие утратило бы зловещий и обольстительный облик» [2, с. 295]. Таким образом, сама суть эротики выступает в неразрывности единства между удовольствием и запретом, само удовольствие порождается чувством недозволенности совершаемого. Поэтому человеческая сексуальность и отличается от простой сексуальности животного: она проявляется именно в трансгрессии. Это не означает возврата к изначальной звериной свободе, поскольку звериная сексуальность не знает пределов, в то время как человеческая сексуальность рождается именно благодаря наличию пределов, которые можно преодолевать.

Трансгрессивный характер эротики наиболее ярко представлен оргастическими практиками. Оргия требует попрания всяческих границ закона, отрицает все пределы трудовой жизни. Она оказывается полнейшей инверсией разумного порядка вещей. По сути своей, в оргии проявляется архаическая эротика, поскольку ей свойственна такая сексуальность, которая не знает никаких законов, не удерживается никакими доводами разума, и есть воплощение чистой ярости. Оргии в свое время имели ритуальное значение, нередко оргия представляется как обряд, направленный на обеспечение плодородия земель и скота, но основная и главная цель таких оргастических взрывов – в торжестве сакрального: «нарушая закон, эротическая трансгрессия приобщается в актах святотатства сакральной суверенности табуированного» [4, с. 8]. Сакральный мир противостоит дискретному миру труда в своей непрерывности. Эта непрерывность была утрачена человеком, когда он отказался жить как зверь. Но в эротическом экстазе он ненадолго вновь обретает утраченную непрерывность. Оргия оказывается торжеством непрерывного сакрального. И по этой причине она обладает религиозным характером, поскольку непрерывность – сущность божественного. Любое эротическое переживание оказывается переживанием божественного. Однако на

протяжении истории отношение к сакральному меняется. С приходом христианской эры божественное сакральное помещается в новые границы, ознаменованные добродетелью, чистотой и святостью (по христианским меркам), где нет места для проклятого или нечистого. Оно отбрасывается в область тьмы, зла, которая от этого не перестает быть сакральной, но лишается божественной благодати. Так в христианском универсуме появляется образ Дьявола, чьей вотчиной становится все греховное, а значит – трансгрессивное. Дьявол изгоняется из божественного мира, в результате чего становится богом трансгрессии, неповиновения, бунта и всего того, что христианской моралью помещается в сферу Зла. В таком мире эротика, которая самой своей сущностью знаменует торжество трансгрессии, автоматически оказывается греховной, грязной, и потому также принадлежит Злу. В качестве минимального зла она допускается в браке, но, как известно, дети, рожденные в результате физической любви, становятся носителями первородного греха, который приходится искупать в течение всей жизни. «Сладострастие углубилось в сферу Зла» [3, с. 583], но зло есть всего лишь трансгрессия, подвергшаяся осуждению. И поскольку эротика рождается из нарушения запрета, зло становится причиной эротического удовольствия. И уже неважно, что полагается в обществе в качестве Зла – почитание Дьявола и сатанинские шабаши, или низменный мир социально опустившихся (уголовников и проституток), – эротика неизменно оказывается принадлежащей этому миру зла, поскольку именно во зле проявляется ее трансгрессивный характер, будь то ведьминская оргия или использование непотребного языка падших людей в именовании эротических действий, или преодоление навязанного приличиями чувства стыда. Эротика всегда требует преодоления, и только в преодолении или хотя бы в воспоминании о преодолении тех или иных норм возможно достижение сладострастного наслаждения.

Итак, пребывание во зле, таинственность и стремление к сиюминутному удовольствию оказываются неотъемлемыми характеристиками эротики. Однако нужно помнить о том, что эротика внеисторична, она носит сугубо индивидуальный характер. По этой причине не существует конкретной формулы запрета на эотику: он очерчивает ту потаенную сферу индивидуальной любви, в которой проявляется личная возможность трансгрессии каждого индивида, способ ощутить природную свободу. Несомненно, что «никогда по-

ловая жизнь не бывает невоздержанно свободной» [1, с. 15], она всегда так или иначе ограничена рамками обычая, но вопреки всему этому эротика остается единственной более или менее допустимой сферой для трансгрессии, для индивидуального бунта, без которых человек теряет вкус к жизни. Именно факт трансгрессии противопоставляет человеческую сексуальность животной, поскольку зверь не нарушает никаких запретов, человеку же они необходимы, чтобы развернулась истинная эротическая игра. Эротическая трансгрессия противопоставляет человека и общество, ибо в моменты любви само существование общественного порядка кажется нелепым. Эротика оказывается тем фактором, который ставит под сомнение сам этот порядок: «индивидуальная любовь сама по себе не противопоставлена обществу, тем не менее, для любовников все, кроме них самих, имеет лишь преображенный смысл в соединяющей их любви» [1, с. 125], поэтому такая любовь противостоит обществу в том смысле, в котором индивидуальное бытие противостоит общественному. Эротическая любовь расходится с обществом и государством в самом способе бытия. Государство накапливает и сохраняет, тогда как эротика требует изобилия, которое будет беспощадно и безудержно растрачено. Поэтому общество влюбленных представляет собой сообщество непроизводительной траты, в противоположность государству. При этом эротика есть не просто трата ресурсов, она отмечена знаком разрушения, без которого трансгрессия оказывается неполной – «принципом любой эротической практики является разрушение структуры замкнутого существа, которым является каждый участник игры» [3, с. 499]. Происходит, пусть и ненадолго, разрушение личностей любовников. Тело перестает быть дискретным органом – оно открывается навстречу непрерывности. В этой связи нагота приобретает фундаментальный характер: она оказывается тем жестом, который противостоит замкнутости, в которой пребывает каждое дискретное существо. Нагота является предвестником следующей за ней игры сливающихся друг с другом органов, в которой происходит тотальная самоутрата человека. Такое эротическое саморазрушение не чуждо насилия, которое знаменует собой ярость, необходимую для эротической деятельности, недаром «для цивилизаций, вполне осознающих смысл обнажения, оно служит если не подобием, то, по крайней мере, смягченным эквивалентом умерщвления» [3, с. 500]. Таким образом, эротика и убийство оказываются сущностно

родственными феноменами: в основе эротика лежит «завораживающее действие смерти», такое же, какое лежит в основе любого убийства. В плотской любви, тем самым, воедино сплетаются те два основополагающих человеческих влечения, о которых в свое время писал Фрейд, – Эрос и Танатос. В этом человек обретает свободу, присущую природному миру, и в этом проявляется индивидуальная суверенность каждого человека.

Подводя итог, можно говорить о том, что эротика является допустимой формой индивидуальной трансгрессии, в которой человек испытывает опыт смерти и удовлетворяет свою яростную жажду разрушения. И если трансгрессия в целом направлена на поддержание стабильности социума, то смысл эротической трансгрессии заключается в возможности человека прикоснуться к его имманентной звериной сущности. В обыденности социальной жизни эта сущность оказывается под запретом, и только лишь эротический опыт становится тем допустимым опытом трансгрессивного поведения, который позволяет человеку через нарушение запрета удовлетворять свои желания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Батай Ж.* История эротизма. М., 2007.
2. *Батай Ж.* Слезы Эроса // Танатография эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. СПб., 1994.
3. *Батай Ж.* Эротика // Батай Ж. Проклятая часть: Сакральная социология. М., 2006.
4. *Краснухина Е.К.* Эротический тренд в философии: свобода и суверенность // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 03/2013. Вып.1.
5. *Фрейд З.* Тотем и табу. СПб., 2013.
6. *Фуко М.* О трансгрессии // Танатография эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. СПб., 1994.

REFERENCES

1. *Bataille J.* history of eroticism. Moscow, 2007.
2. *Bataille J.* Tears of Eros Eros // Tanatografiya: Georges Bataille and the French thought the mid XX century. SPb., 1994.
3. *Bataille J.* Bataille Erotic // J. of the Damned: Sacred sociology. M., 2006.
4. *Krasnukhin EK* Erotic trend in philosophy: freedom and sovereignty // Vestnik St. Petersburg universitetata. Episode 6: Philosophy. Cultural Studies. Political science. Right. International relations. 03/2013. Issue 1.
5. *Freud's Z.* Totem and Taboo. SPb., 2013.
6. *Foucault M.* About transgression // Tanatografiya eros: Georges Bataille and the French thought the mid XX century. SPb., 1994.

21 февраля 2015 г.
